

АНТИЧНЫЙ
МИР

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

РАССКАЗЫ
О ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ

Античный мир

Сборник
**Древняя Греция. Рассказы
о повседневной жизни**

«ВЕЧЕ»

1912

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Сборник

Древняя Греция. Рассказы о повседневной жизни / Сборник —
«ВЕЧЕ», 1912 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8818-4

Современная европейская цивилизация во многом обязана Древней Греции. За свою двухтысячелетнюю историю греки создали разумную экономическую систему, основанную на использовании трудовых и природных ресурсов, гражданскую общественную структуру, полисную организацию с республиканским строем, высокую культуру, оказавшую огромное влияние на развитие римской и мировой культуры. В предлагаемой книге, впервые вышедшей в 1912 г. под названием «Книга для чтения по Древней истории. Часть I», рассказывается о повседневной, частной и государственной жизни античной Греции, о выдающихся государственных деятелях, философах, писателях и военачальниках. Читатель побывает на народном собрании в Афинах, станет участником бесед Сократа, Платона и Аристотеля, узнает немало подробностей греческого быта, побывает в Ольвии, одном из цветущих городов Тавриды. Среди участников этого необычного проекта были будущие светила советской исторической науки — Н.А. Кун, В.Н. Перцев, С.И. Радциг, А.А. Фортунатов, А.М. Васютинский, Н.М. Никольский, К.В. Сивков, В.Н. Дьяков и другие. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-4484-8818-4

© Сборник, 1912

© ВЕЧЕ, 1912

Содержание

Как жили греки в гомеровскую эпоху	8
Демодок во дворце Алкиноя[2]	18
В новые страны	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Древняя Греция. Рассказы о повседневной жизни

Составитель А. Васютинский и др.

Античный мир

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Как жили греки в гомеровскую эпоху

А. Васютинский

I

Счастливо жилось старому царю Приаму за крепкими стенами Трои. Большие каменные покои, сложенные из гладких обтесанных камней, вмещали все его многочисленное семейство: пятьдесят комнат тянулись вдоль широкого коридора, и жили в них пятьдесят женатых сыновей царя, да с другой стороны двора было двенадцать комнат для дочерей царя с их мужьями. Много видел старик на своем веку, и богатым своим опытом часто помогал своим подданным: всегда чтут люди знание и опыт. Но, не будь у него многочисленных сыновей, кто знает, удержал ли бы престарелый Приам в своих руках власть?

Не один опыт чтили люди тогда, а и крепкие мускулы, и телесную силу. Не будь у старика сыновей, и другой вождь мог бы захватить в свои руки правление городом Троей. Но за царя Приама всегда могли постоять сильные, могучие сыновья; если бы кто из знатных и родовитых вождей города возгорелся желанием в чем-нибудь поперечить старому Приаму, он должен был бы опасаться гнева и мщения его сыновей и многочисленной челяди. Рабам жилось хорошо: царь престарелый не притеснял их, сытно кормил, но не спускал и провинности, сурово наказывал, иногда даже смертною казнью.

Как было в обычае, троянцы выделили царю за его суд и расправу отборный участок из мирской земли, мерой в несколько десятков десятин; близ дворцовых покоев насадил царь сад, приносивший много сладких плодов, остальная земля была частью под виноградником, частью под пашней; пашня давала обильный урожай. На склонах и в долинах лесистой Иды паслись у царя большие стада свиней, овец, быков и коров, табуны лошадей под присмотром бдительных рабов-пастухов. И за свою долгую жизнь много собрал Приам красивых изукрашенных кубков, тонко выделанных треножников, искусно кованых мечей с изящными резными рукоятками, а жена его и дочери хранили у себя много прекрасных тканей, тонких драгоценных покрывал и поясков, ожерелий, браслетов и других украшений.

Хотя и не близко к морскому берегу была построена Троя, но все же не долго приходилось идти к ней до долинам рек Скамандры и Сперхея предприимчивым купцам-мореплавателям. И скоро имя богатой Трои и славного гостеприимного царя Приама стало известно по всем берегам Эгейского моря. Но за счастливыми днями пришли несчастья и беды.

Шайки отважных удалыцов-вождей с дальнего западного берега моря стали высаживаться на берегах Малой Азии, и долго приходилось царю и его подданным в жестоких боях отстаивать свою жизнь и свое добро. Началась беда не вдруг. Уже давно в город приходили вести о том, что большие толпы прекрасно вооруженных людей, приплывши с моря, грабят прибрежные поселения, мужчин убивают, а имущество их, жен и детей делят между собой. Так, узнали в городе Трое, что воинственные данайцы или ахейцы разрушили прекрасный киликийский город, откуда была родом жена любимого Приамова сына, Гектора. Старика-царя победители убили, всех его сыновей перебили, и лишь осиротевшую старуху-царицу отпустили на свободу за огромный выкуп. С тревогой ожидали троянцы и своей очереди.

Настало время жатвы. Хлеб давно уж налился и стоял стеной в поле; старик-царь решил, что пора жать. Высыпали в поле жнецы и мерными рядами стали жать тучные колосья. Три перевязчика ходили вслед за жнецами, а сзади прыгали дети, подхватывая падавшие колосья и подавая их перевязывать. Вышел и сам царь со скипетром в руках и стал под тенью старого дуба; с весельем смотрел он на обильный урожай: надолго хватит собранного хлеба. Но

недолго пришлось ему услаждать себя приятным зрелищем своего богатства: приходилось идти на совет вместе с городскими вождями, главами родов, разбирать тяжбы. Пришел за Приамом глашатай и сказал, что все городские старшины уже собрались и ждут лишь царя. Поспешно отправился царь на городскую площадь: а там уж два человека шумно спорили о вознаграждении за убийство. Убийца, согласившись уплатить вознаграждение, чтоб избежать кровавой мести родичей убитого, клялся страшной клятвой, что он все без остатка уплатил, а другой уличал его в обмане. Каждый ссылался на свидетелей, которых привел с собою. Около споривших давно собралась густая толпа народа; быстро образовались две партии: одна стояла за убийцу, другая – за истца, родного брата убитого. Громкий крик споривших заглушался криками их сторонников, готовых уже доказать свою правоту рукопашной схваткой. Но вот подошел престарелый царь, глашатай дал знак к молчанию – и затихла толпа, умолкли противники. Приам вместе с знатными старшинами воссел с достоинством на больших тесаных камнях. Начался суд: выслушали и истца, и ответчика, и их свидетелей – и вот один за другим по порядку стали вставать старшины и, взявши в руки скипетр, говорить свой приговор. Посреди круга лежала немалая награда тому, кто положит справедливое решение, – два таланта. Суд не был тогда неизбежным – противники могли решить дело и поединком; за удачный способ решения кровавого спора находчивый судья получал вознаграждение, если толпа народа кругом показывала особенно шумным одобрительным криком, что ценит его решение больше, чем других судей. Но вот кончился суд: мудрое решение Приама помирило противников. С довольным видом, унося вознаграждение, вернулся царь домой.

Здесь с удовольствием выслушал он рассказ своих сыновей об удачной охоте. Едва лишь стало светать, как они собрали собак и пошли на охоту. Долго шли они по крутой, покрытой лесом Иде, наконец достигли глубокого ущелья. Солнце еще невысоко поднялось на небе, а они уже шли, продираясь среди густых зарослей, и, где можно, бежали, держа в руках длинные копья. Собаки быстро напали на след и подняли огромного дикого кабана, который закопался в кустах среди опавших листьев, в темном, сыром полумраке. Страшный лесной отшельник не испугался охотников; дыбом встала у него щетина на спине, и, сверкая злобно глазами, бросился он на врагов: не одна собака погибла от острых клыков разъяренного зверя, но дружным натиском охотники одолели его и насквозь искололи копьями.

Радовался царь отваге своих сыновей, радовался и тому, что нашел в доме порядок: невестки его под надзором старухи-жены прилежно ткали на своей половине; много уже сработали они узорчатых тканей с замысловатым рисунком и, чтобы не так скоро пришла усталость, все пели стройным хором песню в такт мерно двигавшемуся челноку. Весело ужинал царь-старик со своими сыновьями в большой зале. Как должно, перед едой уделили частицу бессмертным богам, пославшим хорошую добычу, а остальное сжарили тут же, насадивши на вертел. Вкусна была свинина, которую запивали домашним кислым вином: много винограду дал в прошлом году царский виноградник, и в темных кладовых Приамова дома стояло длинными рядами немало больших глиняных кувшинов с вином. Памятно было царевичам, как весело они собирали тот виноград и после сбора, сплетаясь в веселый хоровод, плясали под нежные звуки китары и пели прекрасную песню – лин – о горькой судьбе страдальца, бога вина, услаждающего людские горести.

*Древнегреческие воины – гоплиты.
Рисунок на вазе*

Спокойно улеглись все спать в отведенных каждому покоех. И думал Приам, засыпая, как ему расположить работы на следующий день. Хотелось ему вспахать стоявшее под паром поле, и, чтоб скорее спорилась работа, придумал царь давать каждому работнику, который раньше проведет плугом широкую борозду, кубок вина – благо много его было в глубоких кладовых. Сыновья же царя положили в уме с утра снова идти на охоту, а незамужние дочери вместе с рабынями хотели ехать на реку: много дома накопилось грязного белья. И вот, едва занялась заря, проснулись все и принялись за дело; кто собирался на охоту, кто выводил во двор большую повозку, кто укладывал белье, кто собирал еду, чтоб подкрепиться после работы. Но не судила судьба быть в тот день мирной работе.

Уж охотники были готовы отправиться в путь, как вдруг послышались шум и сильный крик: ко дворцу быстро неслись пастухи царя, гоня пред собою лишь часть своих стад; оказалось, что неожиданно из засады на них ринулись разбойники, часть товарищей перебили и захватили большую половину стада. Кто эти разбойники, никто не знал: предполагали, что это были те грабители, которые опустошили много соседних сел и городов.

Теперь уж было не до охоты. Массой собирались ко входу во дворец вооруженные граждане; скоро к ним вышли – в медных доспехах, с большими щитами на левой руке, с мечами, копьями, а кто и с луком – сыновья Приама. Все поспешно устремились из городских ворот на равнину отыскивать пришлых грабителей, чтоб отнять у них награбленный скот и отомстить за убийство пастухов. Жены и подростки, а также старики – все поднялись на стену, чтобы защищать город, когда враги решатся на приступ. Враги не прятались, и скоро с замиранием сердца увидели царь и городские старшины с высокой башни, на которой они стояли, громадные клубы пыли у городских ворот. Все приближались эти пыльные столбы; вот уж среди

них заблестало оружие, и ясно можно было видеть, как направлялись против троянцев густые толпы воинов; видно было, что они держались около определенных вождей, очевидно, собираясь по родам и племенам. Впереди простых воинов ехали, метая копья, на высоких колесницах вожди. Быстро и к троянским витязям подоспели из города их колесницы...

После нерешительной схватки решили вожди покончить дело поединком храбрейших; и вот выступили друг против друга два сильных бойца; у каждого были шлем с громадной гривой, медные латы, наколенники, защищавшие от ударов колени, меч с рукояткой, укрепленной серебряными гвоздиками, и большое тяжелое копье. Сперва противники пустили друг в друга длинные копья, но оба напрасно; затем, сблизившись, стали рубиться мечами – и тут пришел бы неминуемый конец троянскому богатырю: схватил его за шлем силач-пришелец и потащил за собой к рядам своих земляков. Счастье, что разорвался ремешок, укреплявший шлем под подбородком! Освободившись от шлема, быстро отпрянул троянец назад, в толпу своих товарищей. Так и окончился ничем поединок; и вожди долго укоряли друг друга в нарушении правил честного боя.

Но от гневных слов недалеко до драки; случилось троянскому стрелку пустить из лука стрелу и поразить храброго неприятельского вождя; тогда сразу сцепились оба войска, удравивши кучей друг на друга. С громким стуком сшибались щиты со щитами, кровь струилась по земле ручьем. Страшный крик стоял над полем сражения: думалось суеверным людям, что сам бог войны Арес кричит могучим голосом, радуясь кровавой схватке. Едва удавалось кому-нибудь поразить противника, он быстро хватал труп и тащил в сторону, чтобы снять с убитого шлем и латы – драгоценную добычу в то бурное, воинственное время. Но друзья и родичи павшего быстро смыкались над трупом, и начинался кровавый бой, покамест одна сторона не оттесняла другую. Сшибаясь, первым делом пускали в ход копья, если же промахивались, то не брезгали и большими лежавшими под ногами камнями: поднимали их и с силой бросали в противника, стараясь проломить ему голову или ударить в незащищенную часть тела. К мечу прибегали лишь в крайности, когда нечем другим было сражаться. Обе стороны бились жестоко, не давая пощады: иногда обезоруженный троянский боец, видя у горла блестящую сталь меча, падал на колени, охватывал ноги врага и с мольбой просил пощады, предлагая дать за себя богатый выкуп – золотыми изделиями, медью, скотом. Но безжалостно умерщвлял его свирепый победитель, и робкие слова замирали на его устах.

Первые ряды занимали среди бойцов вожди; они мало обращали внимания на простых, бедно одетых воинов и старались сразиться друг с другом, чтоб обогатиться богатым оружием сраженного врага. Выступив друг против друга, они сперва разжигали взаимную ярость бранными словами, хвастались своими подвигами, хвалились знатностью своего рода, близостью к самим богам, старались всячески запугать своего противника и, наконец, после оживленного боя словами, схватывались за копья и камни.

Тяжело приходилось троянцам: враги проявили страшную силу и храбрость, и, может быть, давно бы они уж обратились в бегство, но со стен смотрели жены и дети; лишь только они замечали, что защитники города подаются назад, то поднимали громкий крик и плач, простирали руки к сражающимся отцам, мужьям и братьям, умоляя их не выдавать их на сиротство, горький плен и ненавистное рабство. И с новой силой устремлялись бойцы вперед, сражаться за родину и за семью. До вечера бились враги, то отступая, то вновь наступая. Под вечер оба войска согласились вновь выпустить сильных вождей на поединок. Храбрейший из троянских царевичей, Гектор, вышел против сильнейшего из вождей ахейцев Аякса, исполина ростом. Сошедшись, оба противника бросили копья. Копье троянца пробило шесть кожаных слоев Аякова щита, но не дошло до седьмого – медной обшивки.

Аякс насквозь пробил щит противнику, но не ранил его. Быстро вырвали назад враги свои копья, и снова ударили друг на друга – и на этот раз удалось Аяксу копьем слегка оцарапать Гектору шею, но тот не пал духом, и оба бойца, схвативши громадные камни, пустили

ими друг в друга. И на этот раз Аякс проломил своим камнем щит врагу, ранил в колена и опрокинул его на спину, но упавший быстро вскочил на ноги, и оба готовы были уже рубиться мечами, когда подошли к ним глашатаи и прекратили нерешительный бой, ввиду приближения ночи. Оба врага разошлись, обменявшись подарками: Аякс получил меч, а Гектор – красивый пояс. Ночь спустилась на землю, и само собой прекратилось сражение.

На другой день рано утром царь Приам прислал глашатая во вражеский стан, предлагая заключить перемирие, для того чтобы похоронить с честью трупы павших воинов. Враги согласились. И в безмолвной печали стали и те и другие собирать тела дорогих покойников, клали их на костры, совершали возлияние богам и сжигали. Тем временем пришельцы раскинули лагерь в долине и укрепили его валом и рвом; стали против них лагерем у города и троянцы. Но, кроме того, Приам воспользовался перемирием, чтобы послать гонцов по окрестным царькам, связанным с ним родством или браком, прося их прийти на помощь к Трое: ясно было, что неукротимые враги принесут гибель не одним лишь троянцам в случае своего успеха. И скоро стали сходиться под Трою толпы народа, предводимые соседними вождями; ободрились несколько троянцы. Но едва ли кому привелось спокойно спать в городе в эти страшные ночи: не в одном доме горевали об убитом воине.

Борьба героев Аякса и Гектора.

Рисунок на греческой вазе. VI—V вв. до н.э.

Так прошел день перемирия, и едва опять рассвело, стали войска готовиться к новому бою. За время перемирия троянцам стало известно, что и врагам их не сладко пришлось на родине – они искали новых мест для житья, так как на их родину напал храбрый народец; с огнем и мечом прошел он через всю их страну, отвоевывая и разрушая укрепленные замки вождей, стоявшие, подобно Трое, поодаль от морского берега и жившие привольною жизнью. Не у одного троянца шевельнулась мысль о том, чтобы помириться с врагами, уступив им часть своего добра, но тяжело было и несносно расставаться с нажитым часто тяжелой работой наследством отцов и дедов, хотя бы с частицей земли, выделенной общиной и щедро политой потом и слезами.

Не надеясь на одну помощь соседей, троянцы решили умиловить богиню, покровительницу города, которая до сих пор, как они думали, благосклонно им помогала во всяких несчастьях. Самое лучшее платье из заморских тканей, купленное у приезжих купцов, украшенное блестящим узором, выбрала старуха-царица в своих кладовых и, собравши всех благородных женщин города, торжественно отнесла в храм богини; с горячей молитвой о защите родного края поднесли они и положили на колени богине драгоценное платье, воскурили фимиам, и дали обет еще двенадцать телок принести в жертву, если богиня поможет одолеть суровых врагов.

Между тем среди врагов происходило движение: с высокой башни можно было увидеть, как они собрались на собрание. Каждый вождь, хотевший говорить, брал в руки скипетр, вставал и начинал речь. Простые воины лишь слушали, что предлагал тот или иной вождь, и выражали шумным криком одобрение или несогласие. С башни ясно было видно, что собрание проходило беспокойно, спорили друг с другом, препирались, чуть дело даже не дошло до драки, — и бодрость проникла в души троянцев: думалось им, что удастся легко победить разрозненных врагов. С верой в победу начали они бой. По-прежнему храбро схватывались между собою вожди, но теперь стало случаться, что, познакомившись с личностью противника и его родом из хвастливой речи пред поединком, вождь неожиданно узнавал, что он связан с врагом узами гостеприимства еще со времен дедов. Недавно пылавшие враждой друг к другу, противники внезапно после такого открытия прекращали поединок, обменивались подарками и решали искать себе других противников.

В жаркой битве в тот день погиб один из славнейших неприятельских вождей, и много труда пришлось положить его друзьям, чтобы отбить его труп из рук ободренных удачей троянцев. Печальные, жажда мести, хоронили вожди своего товарища: соорудили огромный костер, обложили мертвое тело жиром убитых волов и овец, самые туши положили кругом, поставили кувшины с медом и маслом, убили четырех коней и двух собак и, наконец, к ужасу наблюдавших с вершины башни жителей Трои, обезглавили и бросили на костер двенадцать пленников. После сожжения, обливши кострище вином, собрали кости покойника в золотой сосуд, обложив их наперед жиром, покрыли тонким покровом и насыпали высокий курган. Долго слышали троянцы вопли рабынь-плакальщиц об умершем: с криком вырывали те свои волосы, царапали лицо ногтями и причитали о погибшем. А после похорон раздались другие крики: то состязались на похоронной тризне вожди: в беге колесниц, в кулачном бою, в борьбе, в метании камня, в беге взапуски и в стрельбе из лука...

Долго ли, коротко ли длилась борьба из-за плодородных прибрежных долин Малой Азии смелых греческих колонистов с туземцами (около 1000 г. до Р.Х.) — доподлинно нам неизвестно, но бродячие певцы, аэды, говорили, что ровно десять лет; немало они сложили былин о бойцах и распевали их под звуки китары (кифара. — *Примеч. ред.*). Многое они перенимали от стариков, много сами постарались вставить такого, что, казалось им, должно было быть непременно в старину: помнилось им, например, по преданию, что когда-то, за много-много лет до того, были могучие государства Микены, Тиринф, Троя и другие; говорило предание, что сражались тогда могучие повелители не только пешие, но стоя на колесницах, которыми правили особые возницы. Так и соединили певцы вместе сказания о недавней борьбе на берегах Малой Азии и предания о старых могучих царях.

Лишь благодаря раскопкам Генриха Шлимана оказалось возможным различать в песнях аэдов черты седой старины от недавней были.

II

6 января 1822 года в городке Новый-Буков Мекленбург Шверинского герцогства, в Северной Германии, родился у протестантского пастора Шлимана мальчик Генрих. Уже в сле-

дующем году пастору пришлось занять приход в маленькой деревушке Анкерсгаген. Тут и протекли следующие восемь лет жизни маленького Генриха. Ребенок с жадностью слушал деревенские сказания и легенды. С юного детства жил он в мире чудесного и таинственного: со страхом говорили, что в садовой беседке пастора «ходит» по ночам дух его предшественника. За садом был пруд, в котором, по словам суеверных жителей, в полночь появлялась призракная дева с серебряной чашей в руке. Но более всего притягивали внимание мальчика развалины старого замка с крепкими стенами и загадочными ходами, о которых рассказывали страшные сказки. Там жил суровый непокорный рыцарь-разбойник, гласило деревенское предание, который попавшихся ему в руки живьем зажаривал в железном котле. На самого герцога покусился он, но испытал неудачу, и тогда-то, видя пред собой гибель, он зарыл глубоко в саду свои несметные сокровища. И в могиле злодей-рыцарь не находил покоя. Целые века торчала из могилы его левая нога в черном шелковом чулке; сколько ни убирали ее, она все вылезала; лишь в начале XIX века ее перестали видеть, говорили местные старожилы. Мальчик просто-душно верил рассказам и часто просил отца вскрыть могилу или позволить ему самому сделать это, чтобы посмотреть, почему нога опять не показывается наружу.

Отец Генриха очень любил древнюю историю; он часто рассказывал сыну с оживлением о гибели Помпеи и Геркуланума и считал счастливейшим человеком того, кто сможет посмотреть на тамошние раскопки.

Неоднократно слышал Генрих и рассказы о подвигах гомеровских героев и о событиях Троянской войны. С огорчением услышал раз маленький Генрих, который всею душой стоял не за греков, а за несчастных защитников Трои, что Троя совсем разрушена, так что и следа от нее не осталось. Но когда он получил однажды от отца в подарок на Рождество «Всемирную историю для детей» Иеррера и увидел в книге изображение пылавшей Трои с огромными стенами и Скейскими воротами, то радость восьмилетнего мальчика была неопишима. «Папа, – закричал он, – ты ошибся! Иеррер сам видел Трою, иначе бы он не нарисовал ее». «Сынок, – ответил пастор, – это выдуманная картинка». Тогда Генрих осторожно спросил, действительно ли у Трои были такие крепкие стены. Когда отец дал утвердительный ответ, мальчик вскричал: «Папа, раз были такие стены, то их нельзя было совсем разрушить и они, конечно, много лет скрыты под мусором и землею». Несмотря на все доводы отца, мальчик упорно стоял на своем, и они согласились на том, что когда Генрих вырастет, то когда-нибудь отроет Трою. Скоро мальчик ни о чем другом не говорил со своими деревенскими товарищами, как о Трое. Но мальчики смеялись над мечтателем, и лишь две девочки, Луиза и Минна, дети соседнего арендатора, с напряженным вниманием слушали занимательные рассказы Генриха. Минна была ровесницей мальчика и особенно горячо разделяла его планы. Вместе дети ходили слушать сказки деревенского портного, бегали на кладбище и так привязались друг к другу, что решили, когда вырастут, пожениться и открыть тогда все тайны Анкерсгагена: серебряную чашу, несметные сокровища рыцаря-разбойника и его могилу, и, наконец, Трою.

Скоро умерла мать Генриха, и девятилетний мальчик остался сиротой с шестью братьями и сестрами. Между тем дела пастора шли плохо: он совсем перессорился с соседями, и мальчику, к великому его горю, пришлось прекратить знакомство с семьей Минны. Начались годы ученья. В 11 лет поступил Генрих в гимназию, но дела отца все более запутывались, и мальчик принужден был перейти в реальное училище. Но и здесь отец оказался не в силах содержать его, и вот в 14 лет Генрих был принужден окончательно оставить ученье и зарабатывать себе хлеб самостоятельным трудом: он поступил мальчиком в мелочную лавочку. Целый день приходилось ему возиться с покупателями, убирать и чистить лавочку, пять с половиной тяжелых лет провел он здесь; обороты были маленькие – едва на 10—15 таллеров в день. С 5 утра до 11 вечера был занят Генрих: для ученья не было ни одной свободной минуты. Все, что выучил, он скоро забыл, не потерял лишь любви к науке. Раз зашел в лавочку пьяный мельник и стал декламировать стихи Гомера; мальчик с вниманием слушал звуки гармоничного, но незнако-

мого ему языка, слезы от волнения катились у него из глаз; он на последние гроши угостил пропойцу-декламатора, лишь бы еще послушать неотразимо влекущие к себе гармоничные стихи.

Неусыпная работа чуть не привела его на край могилы: кровь пошла горлом; больной приказчик не нужен был хозяину – и ему отказали от места. Никто не хотел приютить больного, и с отчаянья он поступил юнгой на корабль, который шел в Венесуэлу. Близ берегов Голландии корабль потерпел крушение; едва спасшись от смерти, Шлиман отправился в Амстердам: он решил в крайнем случае завербоваться в солдаты. Но и здесь неудача; деньги, данные добрыми людьми, все прожиты, маленькое имущество потеряно еще во время кораблекрушения, есть нечего. Чтобы не погибнуть голодной смертью, Шлиман притворился больным, лишь бы поспать в тепле и поесть досыта в больнице. Благодаря одному доброму знакомому, который собрал в его пользу и выслал ему немного денег с рекомендацией, удалось наконец Шлиману пристроиться посыльным в конторе. И вот у него оказалось в первый раз много свободного времени: он мог учиться, и с жаром принялся восполнять пробелы своего образования.

Прежде всего он научился красиво и четко писать, затем принялся усердно изучать новые языки. Он получал всего 310—320 р.¹ жалованья, и половину тратил на ученье. Жил на чердаке в маленькой комнатке без печки, которую снимал за 3 рубля, завтракал размазней из ржаной муки, на обед не тратил больше 8 копеек. Зато он массу читал, писал под диктовку и учил наизусть. Пошлют ли его куда-нибудь – всегда при нем книги, чтобы даром не терять времени на ожидание. Скоро он изучил английский, французский, голландский, испанский и португальский языки. Благодаря знанию языков ему удалось получить место корреспондента и бухгалтера в крупной торговой фирме. Ему было 22 года, и он получал уже до 800 рублей. Теперь он решил изучить русский язык. Трудно было изучать этот язык одному. И вот Шлиман за 1 рубль 50 коп. в неделю нанимает эмигранта-еврея, чтоб тот приходил слушать его ломаную русскую речь. Через 2 месяца Шлиман мог уже сносно написать по-русски письмо. Прошло еще 2 года. Шлиман стал доверенным лицом своей фирмы в С.-Петербурге. Теперь он решил посвататься к Минне – и, к своему ужасу, узнал, что она уже замужем. Долго он горевал: все планы, которые строили они вместе, казалось ему, рухнули. Но время излечивает грусть в молодых летах. С жаром пустился он в обороты и скоро сделался крупным торговцем индиго. Весной он поехал к брату в Калифорнию и прибыл туда как раз тогда, когда Калифорния была объявлена штатом. В этот день все находившиеся в ее пределах делались американскими гражданами. Так Шлиман неожиданно сделался американским гражданином. Все более и более расширял он торговлю, но не забывал и языков: изучил шведский и польский. 34 года было ему, когда он принялся за новогреческий, а затем перешел к старогреческому. Учился он по своей системе: грамматикой не увлекался, а старался побольше прочесть авторов в подлиннике. В 2 года он уже перечел все главные произведения греческой литературы, подновил и знание латинского языка, которому когда-то учился в детстве.

Теперь он был богачом; он поехал на Восток, где попутно изучил арабский язык. К 41 году своей жизни Шлиман сделался миллионером и прекратив свою торговлю, выручив капитал для того, чтобы выполнить то, о чем мечтал в детстве. Он изучил археологию и в 1868 году отправился в путешествие по Греции; он осматривает Итаку, где, по Гомеру, жил Одиссей, Пелопоннес и Афины и, наконец, направляется в Малую Азию. Здесь он с удивительной проницательностью, буквально веря всему, что говорится в «Илиаде», начинает раскопки на холме Гиссарлык.

Там, по его мнению, должна была быть «старая Троя». Но сразу раскапывать было невозможно: нужно было получить разрешение от алчного к «бакшишу» (взяткам) турецкого правительства. Лишь в 1871 году начались раскопки. Страстное желание открыть Трою было так велико, что Шлиман и его жена-гречанка, увлекшаяся его идеей, терпели в течение двух лет

¹ Автор приводит рублевый эквивалент нидерландских гульденов по курсу конца XIX в. – *Примеч. ред.*

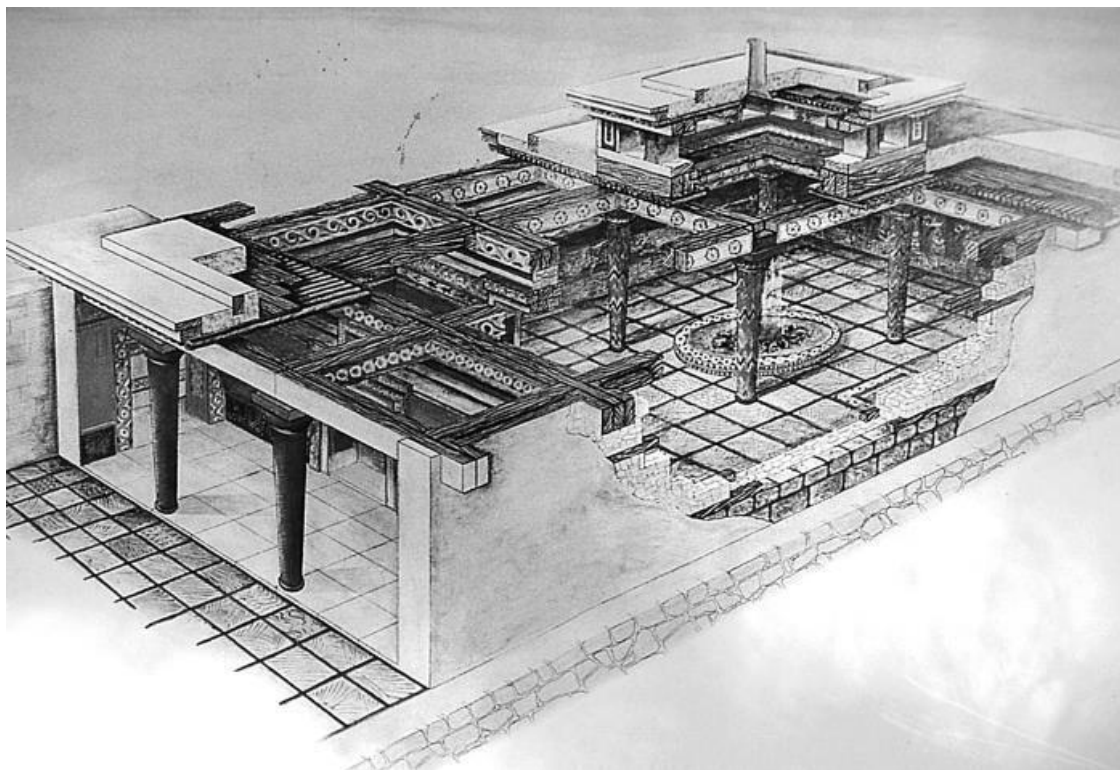
всякие невзгоды, видя пред собой лишь одну лучезарную цель – открытие Трои. Жили они в плохой, на скорую руку сколоченной хижине; сколько ни топили, зимой всегда продувало, вода замерзала: градусник показывал в комнате 4° мороза. Днем еще кое-как согревались, но ночью сильно страдали от холода. Но упорные работы Шлимана наконец увенчались блестящим образом. Когда нашлась первая золотая вещица, он с редкой находчивостью услал рабочих завтракать, а сам с женой пришел раскапывать землю – и открыл знаменитый клад: много медных, серебряных и золотых сосудов, драгоценных диадем, более 8000 золотых вещей, бронзовое оружие и пр.

На холме Гиссарлык существовало, как показали раскопки, одно над другим, в разное время, 9 поселений. Особенно интересны оказались шестое и второе. Последнее носило следы пожара, и Шлиман ничуть не сомневался, что перед ним остатки старой гомеровской Трои, тем более что в мусоре этого слоя нашел он и знаменитый клад. Первый слой принадлежал поселению еще каменного века; после второго, «сгоревшей Трои», шли незначительные поселения; шестое сходно было с поселениями, открытыми вскоре в Микенах; седьмой и восьмой слои принадлежали городам исторической греческой эпохи, следовавшим один за другим; наконец, девятый слой – остатки поселения, существовавшего уже при римских императорах, Нового Илиона.

Холм Гиссарлик, где находилась Троя. Фото 1962 г.

После раскопок на Гиссарлыке Шлиман обратил внимание на развалины других знаменитых в былинах городов: «златообильных» Микен и Тиринфа. Царю Тиринфа Эвристею боги заставили служить знаменитого богатыря Геракла, микенскому царю Агамемнону принадлежало первое место среди греческих героев под Троей. И от древних Микен и от Тиринфа оставались знаменитые еще в древности развалины гигантских стен, которые греки приписывали постройке циклопов, однооких великанов.

Реконструкция дворца в Микенах

С 1876 года Шлиман задался целью отыскать могилу Агамемнона – и ожидания его оправдались: он открыл ряд могил, и отвесно опускавшихся вниз, и напоминавших искусственно сделанные пещеры. На некоторых могилах стояли каменные плиты с изображениями воина, колесницы; в самых могилах (правда, не во всех, – некоторые могилы были давно ограблены турецкими кладоискателями) оказалась масса драгоценных вещей искусной работы. Раскапывая развалины Тиринфа, Шлиман открыл остатки огромного дворца, который по своему плану напоминал дворцы царей, описываемые в «Одиссее». Громадные камни, употреблявшиеся при постройке, указывали, что микенские и тиринфские цари были могучими владыками и располагали массой рабочих рук. Иные камни доходили до 800—1200 пудов весом (13 т 104 кг – 19 т 657 кг). Стены дворцов были расписаны фресками в пять красок, которые изображали ряд сцен из жизни, современной владельцам дворцов.

Немудрено, что Шлиман теперь уж и не покидал Греции: он выстроил себе роскошный дом в Афинах, украсил его так, чтоб все напоминало Гомера, прислугу и детей назвал именами, взятыми из гомеровских поэм: слуг звал он Беллерофоном и Теламоном, детей – Андромахой и Агамемноном. До самой смерти он не прекращал раскопок, не жалея средств, чтоб привлечь к участию в них искусных и знающих архитекторов и знаменитых ученых. Горячо оспаривал он немногих противников, которые упрямо утверждали, что Шлиман открыл лишь обыкновенное кладбище и ввел в обман читающую публику своими большими книгами о результатах раскопок. Умер Шлиман в 1890 году и был похоронен в Афинах.

Так пред всем ученым миром раскопки Шлимана открыли новую эпоху – до тех пор неведомый период греческой истории. Это – то время греческой истории, когда в разных местах жили в укрепленных замках, похожих на микенский и тиринфский дворцы, сильные цари; в науке оно получило с тех пор название микенской эпохи (приблиз. за 1500 – 1600 лет до Р.Х.).

Демодок во дворце Алкиноя²

А. Васютинский

Прекрасный кусок земли дали феакийцы своему царю Алкиною: разбил он на нем плодовый сад на целых четыре десятины, большой виноградник и огород. Воды было много: один ручей протекал чрез самый сад, другой – с чистой, приятной на вкус водой – бежал у самого порога дворца. И скоро царь Алкиной не мог пожаловаться на неурожай. Много собиралось у него винограда, много родилось овощей, сад же приносил огромное количество плодов: росли там и яблони, и груши, и смоковницы, и гранаты, и даже маслины.

В один погожий солнечный день в углу этого тенистого сада, под большой ветвистой оливой, на обомшелом камне сидел старик; возле него лежала старая китара, верно, его неразлучная спутница. Ветер с моря чуть колыхал ветви деревьев и шаловливо играл седыми прядями волос на голове старика. Он сидел молча, весь ушедши в себя, но вдруг встрепенулся и привстал. «Демодок! Демодок!» – раздавалось по саду. То бежал к старику глашатай царя, звать на пир, которым Алкиной решил угостить своего гостя. Быстро, торопясь выложить все, что подслушал, глашатай рассказывал старику, как чудесным образом явился на остров феаков неизвестный скиталец, как он сумел пробраться чуть ли не невидимкой в царские палаты, ловкой речью разжалобил сердце царя Алкиноя и его советников, с которыми царь творил суд и расправу. Откуда узнал этот загадочный бродяга, что лучше всего просить о защите чрез царицу Арету, любимую всем народом? «Уж, разумеется, – думал глашатай, – помогает ему в том какая-нибудь богиня, и, вероятно, сама премудрая Афина. По всему видно, что странник – человек бывалый: иначе не сумел бы он разжалобить так феакийцев; народ они торговый, привыкли сами получать от других прибыль и не особенно щедры к праздным скитальцам».

Так говорил глашатай, осторожно ведя старика с китарой к царскому дворцу. Вот они уж прошли по боковым покоям и вступили в роскошную приемную залу. Богато жили феакийцы с тех пор, как ушли они с своей родины: вытеснили их из родной земли грубые скотоводы, неучтивое дикое племя. Зато и нажились они, по милости морского бога Посейдона: бодро плававшая на своих кораблях по морю, не боялись они изменчивого, капризного морского старика Протея и нажили бойкой торговлей большие богатства. Богаче всех жил сам царь Алкиной. Дом его блистал пышной отделкой. Стены приемного зала были выложены медью, двери – из чистого золота, притолоки – из серебра; как жар горел медный порог. Но всего более поражали вошедшего искусно сделанные из золота две собаки: они стояли направо и налево от входа, словно сторожа. Но всего этого не мог видеть вошедший старик: он был слеп от рождения.

Большие лавки, тянувшиеся вдоль украшенных замысловатыми рисунками стен, были убраны прекрасной узорчатой тканью домашней работы; много этих тканей выделявали рабыни в женских покоях под надзором царицы Ареты. На скамьях уж давно сидели гости царя, все вожди, главы знатных феакийских родов. Ближе всех к Алкиною сидел престарелый вождь Эхиной; старше всех был он, много знал и видел за свою долгую жизнь, и за то особенно чтили и уважали его и царь, и феакийцы. Проворные слуги давно уже чисто-начисто вытерли широкие столы, поставили на них корзины с жареным мясом и с хлебом, налили вина в кубки. Глашатай как раз в это время ввел Демодока, бережно усадил его за стол на среброкованный стул, догадливо приставил стул к высокой колонне, чтобы старик мог к ней прислониться, когда устанет. Над головой старика повесил он китару, чтобы не пришлось далеко ее искать. Не забыл глашатай и об еде: поставил корзину с хлебом и мясом и налил вина в двудонный кубок.

² См. «Одиссея» Гомера, песни V—VII.

Ни один пир не обходился без Демодока. Был он знаменитым аэдом – сказителем былин о славных богатырях и о жизни олимпийских богов. Любили знатные феакийцы услаждать себя песнями о минувших подвигах славных богатырей, и давно уже жил Демодок в покоях тароватого царя Алкиноя. Хотел ли он или нет, но должен был всегда идти на зов царя: во всякое время был он обязан петь перед знатными людьми – то было его ремеслом, недаром и звали его еще «мирским работником» – демиургом. Да ничем иным и не мог бы слепой старик заработать себе пропитание. Не было у него ни роду ни племени. Говорили, что жил он когда-то на Хиосе, случайно попал на остров Схерию, да тут и остался: пришлось жить тем, чем наделила его богиня Муза – сладкогласным пением под звуки китары.

Но вот насытились гости. Тонким слухом уловил Демодок удобный момент – и, подчиняясь живому своему вдохновению, – феакийцы верили, что Муза внушает певцу его песни, – начал он нараспев, под звуки лиры, рассказывать о том, как поссорились однажды на пиру храбрый царь Ахилл и мудрый царь Одиссей.

Начал певец с обращения к Музе, прося ее помочь ему воспеть гнев Ахиллеса, Пелеева сына. Нетрудно было ему сложить былинку о споре двух славных витязей: много в памяти у него хранилось привычных оборотов и готовых описаний. Пел ли он о восходе зари – знали уж слушатели, что он скажет: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос». Упоминал ли он имя бога, богини или богатыря, непременно подбирал к нему старое прозвание. Посейдона называл «землепотрясателем», Зевса – «тучегонителем; когда он помогает главой, трясется весь Олимп многохолмный», Афины называл «светлоокой», царя Одиссея – «хитроумным», Ахилла – «быстроногим»...

*Аполлон, играющий на китаре.
Роспись вазы. Около 510 г. до н.э.*

...Злыми бранными словами осыпали друг друга цари-витязи, руки их судорожно хватались за богато украшенные рукоятки мечей, очи сверкали из-под мрачно насупленных бровей; другие цари, встревоженные ссорой храбрейших врагов Трои, пытались тщетно вступить; лишь у одного Агамемнона, верховного вождя всего войска, радовалось «в груди милое сердце». Он был доволен тем, что поссорились самые могучие витязи, его союзники – теперь уж, конечно, не будут они заодно перечить его приказаньям: правду ему сказали, вспоминал он, жрецы Дельфийского бога, когда предсказали, что вражда двух царей будет добрым для него знаменем...

Пел Демодок, и все молча слушали искусного певца. Никто не смел прервать его, так его чтили – недаром и звали Демодок, т.е. Народомыслом. Да и как прервать того, кто находится под могучим покровом муз, или даже самого Аполлона, далеко мечущего стрелы в непокорных ему людей? Слишком хорошо помнили слушатели, как наказал ходивших под Трою ахейан мстительный бог, когда оскорбил властный царь Агамемнон жреца Аполлонова Хриза, уведя в плен его молодую дочь, красавицу Хризеиду.

Все слушали со вниманьем; лишь одному незнакомцу стало не по себе: хитрый рассказ он придумал для феакийцев, чтобы скрыть свое настоящее имя, но теперь он не мог овладеть собою. Нахлынули толпою воспоминания: вспомнился сын, которого он оставил младенцем двадцать лет назад, отправляясь против своей воли в поход на чуждую ему Трою, вспомнилась кроткая жена, вспомнился престарелый отец, покинутые на дорогой лесистой родине, вспомнились старые товарищи, которых давно уж не было на свете, грозные соратники, с которыми десять лет делил он радость и горе, сражался бок о бок или жестоко ссорился, вспомнился ему давно покинутый дом, «и дым которого казался несказанно приятен»... И не выдержал гость – градом хлынули слезы, и быстро накинул он плащ свой на голову, чтобы не показать феакийцам слез сильного мужа.

Никто почти не заметил слез незнакомца, так были все увлечены пением Демодока. Лишь царь Алкиной видел, что с гостем случилось что-то неладное; чутким сердцем догадался он об истинной причине грусти чужеземца – благо сидел он рядом с гостем и ясно слышал его скорбные вздохи... Услышало горе скитальца и чуткое ухо певца: и он, безродный, сердцем понял грусть чужеземца и умолк, словно уставши, но твердо решил в глубине души успокоить неизвестного скитальца окончанием песни. И вот немного спустя снова запел он... Ссорятся боги на холмистом Олимпе. Горячая богиня Гера, свирепо ненавидящая троянцев, жаждет их гибели. Она резко упрекает Зевса, своего супруга, что он мирволит троянцам: давно уж пора пасть Трое от руки ахейских героев. Зевс нарочно задерживает это падение: вот сейчас рассорились главные ахейские витязи на радость троянцам. Резкими словами смиряет расходившуюся супругу отец богов и людей – грозит ей побоями в случае ослушания; напоминает, как однажды повесил ей на ноги тяжелые две наковальни, сковал цепью руки и повесил среди облаков, как никто из богов не мог вступить, потому что всякого, кто подходил, он одним махом сбрасывал с неба на землю. Хромоногий Гефест, бог огня, стал уговаривать мать; он вспомнил, как раз пострадал он во время ссоры родителей от вспыльчивого отца: схватил его Зевс за ногу и бросил с Олимпа на землю; целый день летел несчастный и лишь к заходу солнца упал на остров Лемнос, где ему помогли добрые люди. Улыбнулась Гера сыну и взяла от него кубок с божественным напитком, нектаром. Стал и других богов угощать, чтоб загладить память о ссоре, догадливый бог огня. И скоро стали хохотать до упаду развеселившиеся боги: очень смешным им казалось, как суетится по широким палатам Гефест, разнося кубки. Тем временем, пока боги пировали, музы хором пели приятную песнь под звуки китары, на которой искусно играл бог Аполлон...

Всем понравилась песня Демодока.

Как добрый хозяин, пригласил теперь царь Алкиной своих гостей на площадь, посмотреть на различные состязания, показать свою крепость и силу. Все пошли на площадь из палат

гостеприимного царя; пошел и Демодок: из мыслей теперь у него не выходил неизвестный, плакавший горькими слезами скиталец. Скоро он услышал громкие похвалы ловкости незнакомца: отличился тот в метании громадного камня – бросил дальше всех феакийских юношей. И все думал-гадал Демодок, что бы мог это быть за гость с такой богатырской силой. Меж тем кончились игры. И снова царь Алкиной угостил своего гостя, к которому склонялось все больше его сердце, пляской и пением.

В то время как юноши легко плясали, в меру притоптывая ногами, стал Демодок, бряцая на китаре, рассказывать былинку о том, как насмеялся хромоногий неуклюжий бог Гефест над легкомысленной, прекраснокудрой богиней Афродитой и нерассудительным, пылким богом войны Аресом. Громко смеялись слушатели шуточкам бессмертных богов над злополучными влюбленными. Всем по душе пришлась эта смешная песня Демодока.

В играх и веселье прошел день, зашло солнце; царь привел к себе в дом своего гостя, одарил его богатыми дарами, велел вымыть, натереть маслом и угостил ужином. Светло было в палатах царя Алкиноя. Ярко горели факелы в руках искусно вылитых из металла юношей, которые, словно живые, стояли в зале. Снова глашатай привел Демодока – и тут услышал певец, как к нему обратился незнакомый голос: сам незнакомец взял лучшую часть свинины со своего блюда и велел глашатаю передать Демодоку, в знак своего высокого уважения к благородному роду певцов, любезных Музе. Мало того: гость выразил Демодоку свое восхищение за те песни, каким его научили Муза и Аполлон, и просил спеть о том, как погибла Троя от деревянного коня, в котором спрятались ахейские вожди. Вкрадчиво, в лестных словах просил незнакомец Демодока – и сговорчивый певец тотчас согласился. Бряцая на лире, он обратился к своим покровительницам, богинями музам:

Ныне поведайте, Музы, живущие в сених Олимпа,
Вы, божества, вездесущи и знаете все в поднебесной;
Мы ничего не знаем; молву мы единую слышим.

И осенило его вдохновение, просветлело лицо, и начал он рассказывать былинку перед слушателями, затаившими дыхание... «Скоро десять лет исполнится, как осаждают ахейцы великую Трою, много погибло вождей с обеих сторон: нет уж в живых Гектора, нет Патрокла, нет и виновника роковой войны Париса: все сошли в область мрачного Аида, а все не сдается город старого царя Приама. Отчаялись греки взять Трою силой: пустились на хитрость по совету царя Одиссея: построили громадного деревянного коня, пустого внутри, поместили туда храбрейших вождей во главе с Одиссеем, распустили слух, что коня этого оставляют как приношение богам, а сами уходят домой.

Взятие Трои. В середине – Неоптолем, намеревающийся убить престарелого Приама, на коленях которого лежит окровавленное тело Астианакса.

Роспись вазы. Около 480 г. до н. э.

Сожгли лагерь, отплыли на кораблях в море и скрылись за ближайшим островом. Троянцы, надеясь на милость богов, ввезли в свой город деревянное чудовище, не зная, что там скрываются ахейские богатыри. Глухой ночью вожди выбрались из коня, впустили в город подоспевших соратников и напали врасплох на троянцев. Началась беспощадная резня. Одиссей с Менелаем бросились к дому Деифоба, Приамова сына, за которого вышла замуж Елена после смерти Париса. В горячей схватке Одиссей и Менелай одержали победу: Деифоб пал, и Менелай вернул наконец к себе похищенную жену. Тем временем сын Ахилла, молодой Неоптолем, бросился ко дворцу Приама и в пылу кровавой схватки убил у самого жертвенника престарелого царя...»

Пел певец, и снова уловило его чуткое ухо рыданье и стоны: незнакомец опять горько плакал, закрывшись плащом. Слыша вздохи гостя, решился царь Алкиной на необычное дело: велел прекратить Демодок у пение... Жалобно звякнула китара – и смолкла... И с участием стал расспрашивать Алкиной своего гостя о причине его печали... Тогда-то, скрепясь, поведал незнакомец, что он и есть Одиссей, сын Лаэрти, знаменитый везде своим хитрым умом, царь острова Итаки; рассказывал он изумленным феакийцам длинную повесть своих скитаний и страданий с тех пор, как покинул он развалины Трои: как хитростью спасся он от страшного одноглазого великана Циклопа, как сходил в подземное царство, спасся от людоедов, от козней хитрой волшебницы Цирцеи, от чудовищ Сциллы и Харибды и от пленительных Сирен, как тосковал по родине на острове полюбившей его нимфы Калипсо. Жадно слушали Одиссея феакийцы, но всех внимательнее слушал его слепой Демодок – и слагалась в его уме новая былина, – о скитаниях хитроумного царя Одиссея.

В новые страны

Вл. Сыроечковский

В начале VIII века до Рождества Христова грекам стало тесно в их маленькой стране. Она обнимала в то время южную часть Балканского полуострова, острова и восточный берег южной половины Эгейского моря. На суше тесные горы замкнули страну греков и отделили от полуварварских северных племен и соседних царств Малой Азии, и только просторное море свободно уходило вдаль и терялось на горизонте.

Долго греки не знали, куда уходит их море; им думалось, что его волны бегут до самого края света и там сливаются с волнами таинственного Океана, о котором говорили старинные сказания.

Сказания рассказывали, что далеко за неведомым морем и неведомыми странами, пенясь, бушует безбрежный Океан – чудесная река, которая течет вокруг всей земли и кольцом замыкает ее. Там высокий небесный свод склоняется к волнам Океана и тихо погружается в них. В волнах Океана днем купаются звезды, а ночью всплывают на темное небо. Поутру на востоке загорается заря, и светлый бог Гелиос – светлое солнце – встает из вод Океана, днем свершает свой путь среди высокого неба и, закончив его, на далеком западе снова погружается в волны реки Океана. Среди них покоятся в вечном свете острова блаженных, *«где ни метелей, ни ливней, ни хлада зимы не бывает»*. Морской ветер обвеивает их тихие луга. Там в цветущих садах нимф-гесперид зреют золотые яблоки, которые могут спасти человека от печального ада.

По ту сторону волн Океана, во влажном тумане лежит страна мертвых. Там вечно царит безотрадная ночь. Выходит ли на небо яркое солнце или покидает его, оно никогда не заронит луча в печальную область умерших. Там живут Смерть, Сон, Сновиденья и другие чудовища мрака. Там шумно бегут адские реки. Туда, в пределы тумана и тленья, мимо стремительных вод Океана, между грозных блуждающих скал, быстро летят тени умерших. У входа в подземное царство их встретит с безумолчным лаем и пронзительным визгом адский пес – страшная Сцилла с шестью головами и двенадцатью лапами.

Когда-то на край света отправился могучий Геракл. Много подвигов уже совершил он, от многих чудовищ освободил Грецию. Сильными руками он задушил страшного льва, порожденного исполинскою змеею Эхидною. Он убил и рожденную ею Лернейскую гидру, яростное чудовище с девятью головами. Своими стрелами Геракл выгнал ее из пещеры, где скрывалась она. Гидра бешено кинулась на Геракла.

Своею дубиною он наносил удары по ее шипящим головам, но вместо каждой отбитой головы вырастали две другие. Так было до тех пор, пока спутник Геракла не стал прижигать горящей головнею обезглавленные шеи гидры. Только тогда погибла она.

По поручению царя Эврисфея, которому он служил, Геракл пошел искать золотые яблоки гесперид. У края земли он встретил отца этих нимф, великана Атланта, который поддерживал высокие столбы: на этих столбах покоилось небо. Геракл согласился подержать за великана небесный свод, пока Атлант ходил в сады своих дочерей и принес золотые яблоки для Геракла.

*Геракл со шкурой убитого льва. Мраморная статуя.
Начало III в. н. э.*

К берегам Океана пустились однажды герои-аргонавты. На своем корабле «Арго» они поплыли по широкому морю искать золотое руно, шкуру золотого барана, которую где-то на краю света охранял страшный дракон. Труден был путь: темные силы были рассеяны по всему дальнему морю. На его островах жили грозные, могучие одноглазые великаны – и волшебницы-нимфы; все они старались погубить или задержать героев, путь которых лежал мимо них.

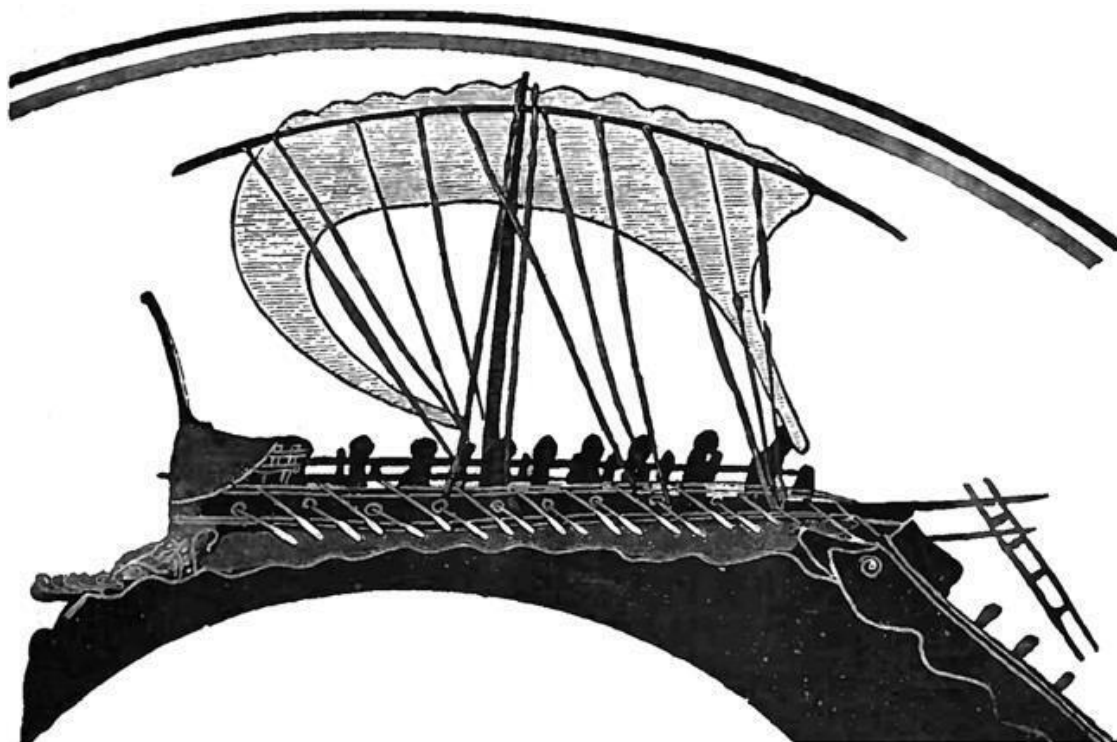
Так говорили предания; но никто из греков не побывал еще в далеком море.

Сначала с дальнего моря стали приезжать к грекам финикийские купцы. Они вытаскивали на берег свои корабли и подолгу жили, пока не выменяют все свои товары на кожи и меха, которыми постепенно они наполняли свои корабли. Они привозили дорогие сидонские сосуды, металлические панцири с Кипра, льняные ткани и покрывала, окрашенные в пурпур шерстяные материи, безделушки из стекла и слоновой кости, дорогой янтарь в золотой оправе. Из города на берег приходили греки посмотреть на финикийян, полюбоваться их товарами. По многу раз они сами приходили в дома богатой знати и во дворцы царей, и каждый раз приносили все новые дорогие вещишки, – и рассказывали о далекой родине янтаря, о малолюдных дальних странах, где они доставали медь и олово.

Часто финикийяне обманывали греков. Но греки были рады, когда показывался в море их нагруженный товарами чернобокий корабль: только финикийяне приезжали к ним из далеких стран, только они привозили дорогие товары. Среди греков лишь благородная знать пока пускалась в ближнее море, ради опасных набегов и грабежей, и потом обменивала свою добычу на товары заезжих купцов.

Но скоро и греки отважились пуститься подальше. Смелый вождь собирал небольшую дружину. Они приходили к песчаному берегу моря и спускали на воду свои корабли. На дне корабля они складывали копья и стрелы, щиты и кожаные шлемы, теплые мохнатые плащи, вроде бурки, которые они брали с собой на случай непогоды и стужи. В больших кожаных мешках они держали запасы муки: среди них на дне корабля размещали в мехах и амфорах³ вино и свежую воду. Теперь нередко подолгу пропадали смелые моряки, в погоне за добычей скитаясь взад и вперед по туманному морю...

³ Большой глиняный сосуд.

*Древнегреческий корабль.
Рисунок на вазе. Около 500 г. до н.э.*

И весело, и страшно было грекам пускаться в море. Впереди могли их ждать всякие беды. Наступало затишье, и подолгу приходилось морякам ждать попутного ветра на диком, одиноком островке среди пустынного моря. Поднималась буря, и им грозила гибель в морских волнах. Часто падали они в боевых схватках в чужом, далеком краю, и на песчаном морском берегу только дождь мочил белые кости погибших героев.

Наконец из далекой поездки моряки возвращались домой. Они любили рассказывать о своих смелых набегах, как они грабили чужие поля, убивали мужчин, а женщин и детей брали в плен. Пленников они продавали, и из походов привозили золото и серебро, янтарь и слоновую кость. Они привозили рассказы о далеких странах, откуда и в год не может долететь быстрая птица, откуда не возвращался никто из людей, если его заносили туда бури и ветры. И среди греков уже ходили неясные слухи о длинных летних днях на далеком севере, где заря сходится с зарею, о странных северных людях, которые доят кобылиц и пьют их молоко. Греки знали уже о богатом и могущественном царстве на Ниле, о богатых египетских Фивах, где жилища полны сокровищ и 100 городских ворот так широки, что через каждые могут проехать 20 колесниц рядом. И все больше сказаний о чудесах незнакомого моря складывалось среди греков.

На народные шумные праздники греков, на пиры в богатые замки приходили певцы и в песнях своих вторили рассказам скитальцев. Они пели, и перед молчаливыми слушателями, на самом краю шумящего моря, вставал из тумана остров блаженных феаков. Их любят бессмертные боги, открыто нисходят к феакам и без чинов садятся за трапезу с ними. Там во всей стране, в каждом доме царит веселье; за пышно накрытыми столами сладко пируют феаки, внимая песням певцов. Бесстрашно феаки пускаются в море; быстро пробираются среди мглы и тумана, не боясь погибнуть от бури. Кормщик не правит в морях кораблем феакийским, их судам руль не нужен: «Сами они понимают своих корабельщиков мысли...»

Дальше пели певцы о том, как в далеком море, из темной глубины морских вод выходит вешний старец Протей. В глубокой пещере среди стаи смрадных, покрытых соленой тиной тюленей, как пастырь меж стада, ложится старик и погружается в сон. Но если кто тронет

вещего старца, он превратится в воду и пламя, во все, что можно найти на земле, и в свирепого льва с огромную гривой, и в дракона, пантеру и вепря, и в дерево с густой вершиной, — и никому не дается он в руки.

Певцы пели о многолетних скитаниях царя Одиссея, о стране громадных, свирепых, не знающих правды циклопов, где Полифем сожрал шестерых друзей Одиссея. Они пели об острове морских дев-сирен, которые губят неосторожного моряка, заманив его сладким пеньем; пели о закинутом среди дальнего моря острове нимфы Калипсо, где семь лет томился в плену несчастный царь...

Одиссей с его спутниками и птицы сирены.

Рисунок на вазе. Начало V в. до н.э.

Но давно прошли времена чудесных скитаний героев. Не одна воинственная знать — в дальнее море потянулись и простые мирные купцы. Иногда, запасшись блестящим железом, они далеко темным морем пробирались к иным народам и, променяв железо на яркую медь, возвращались обратно. Все чаще стали показываться в море их тяжелые многovesельные корабли, и мало-помалу они вытеснили финикийян со своего моря.

Теперь купцы могли привезти много верных вестей и о далеком севере, и о странах на дальнем западе, куда ездили они, далеко оставляя позади Итаку, последний греческий остров на их пути. Они могли рассказать о родине меди, которую привозили из Италии, о караванах с богатыми индийскими товарами, из глубины Азии приходивших к берегам Черного моря. На его южном берегу, где заканчивался путь караванов, уже стоял первый поселок ионийских купцов, Синоп. В далекой Италии (в Кампании), близ ровного песчаного берега, где так легко было пристать кораблям, на круто поднимавшейся горной вершине купцы построили замок Кумы, а по берегу вытянулось несколько небольших городков. На восточном берегу Сици-

лии уже лежал ряд греческих городков. Господствовавшие здесь раньше финикийцы без большой борьбы уступали место новым пришельцам, забрасывая свои торговые местечки и уходя дальше на запад, куда не проникли еще греческие купцы.

Купцы могли рассказать, как впервые пробирались они в чужие страны, как на стоянках пробовали продать свои товары жителям берегов, но те сурово встречали пришельцев. Нередко ни с чем приходилось купцам возвращаться из далекого плаванья и привозить только рассказы о жестокой борьбе и о гибели многих смельчаков у чужих берегов. А когда купцам удавалось на чужбине устроить свои склады, тяжело было видеть первым переселенцам, как скрывались на горизонте корабли, уходившие назад на далекую родину; тяжело было ждать долгие месяцы, когда снова покажутся они с моря. Жутко было сознавать, что между их закинутою в чужом краю маленькой колонией и родной страной лег долгий путь, по которому нигде не услышишь греческой речи,

И на севере, и на западе с любопытством приглядывались греки к новому морю и новым странам. Грекам казалось, что перед ними открываются те места, мимо которых плыл корабль «Арго», где скитался царь Одиссей.

У самого входа в Понт, там, где за узким проливом сразу открывается широкое море, две скалы привлекли к себе внимание проезжавших здесь моряков. Им казалось, что именно здесь кораблю аргонавтов удалось невредимо проскользнуть между страшными скалами, когда, столкнувшись, они оторвали часть руля Арго и, далеко разойдясь, крепко и навсегда стали на своих местах. Попадая в Италию, они думали: «Не в Италии ли жила волшебница Цирцея, к которой заехал царь Одиссей, искавший пути к Океану, к царству Аида?»

На Западе готовы были искать греки остров сирен. Они стали думать, что в узком Мессинском проливе в пещере высоко над морем жила чудовищная Сцилла, мимо которой шел путь Одиссея; а рядом, казалось им, было жилище страшной Харибды. Здесь-то Сцилла разом схватила шестерых товарищей Одиссея; мелькнули их руки и ноги, и в высоте с последнею скорбью сердца прокричали они имя Одиссея... В Сицилии греки признали богатую родину циклопов, а остров Корциру (или Керкира, ныне Корфу) они стали считать бывшим царством царя Алкиноя, островом веселюбивых феаков.

Как только греческие купцы устроили свои первые городки за морем, широкою волною потянулись греки в новые страны. Многие из тех, кому плохо жилось на родине, ехали на новые места и думали там найти для себя лучшую долю. Из деревень в большие торговые города приходили крестьяне; купцы охотно брали их на свои корабли и отвозили в новые страны. Иногда вокруг вождя из старой знати собирались переселенцы, и он вез их на новую родину. Там они строили город, обводили его стенами и делили между собою новые поля.

Плодородная Сицилия и Южная Италия с мягким климатом, похожим на климат Греции, больше всего привлекли к себе переселенцев. Недалеко друг от друга по берегу Тарентского залива полукругом расположились греческие городки. В каждой приморской равнине, удобной для земледельца, устроился греческий поселок. В равнинах лежали поля ржи, а по склонам гор поднимались виноградники и маслины, которые завезли сюда со своей родины греки.

Близкое море втянуло некоторые из этих городов в торговлю. Среди них все больше богател южноиталийский Сибарис. На его многолюдных улицах всегда можно было видеть ионян из Малой Азии. В гавани часто стояли корабли из Милета. Рабы поспешно перетаскивали с кораблей на берег милетские шерстяные материи и пестрые ковры, изящную мебель, разрисованную глиняную посуду – чаши, кубки, большие амфоры и маленькие кувшинчики для масла и духов. А потом на пустые корабли вносили тяжелые кули с хлебом, который отсюда повезут в промышленные города старой Греции. За городом начиналась дорога; она шла за вершины Меловых гор, лежавших за Сибарисом, и уходила далеко в глубь Италии. Туда отвозились те товары, которые привозились морем из богатого Милета и других греческих городов.

Туда же, за хребет Меловых гор, понемногу продвигались переселенцы из Сибариса. Все новые пришельцы приезжали в Италию из старой Греции. В греческих городах начиналась суровая борьба; почувствовавший свою силу народ поднимался против гордой знати. Во время кровавых усобиц побежденным нередко приходилось оставлять свой город и идти в изгнание. Иногда, снарядив несколько кораблей, они отправлялись в дальние страны искать новой родины и после ряда скитаний находили приют в чужом городе или сами строились на чужом берегу. Когда тесно стало на побережье Тарентского залива, греки пошли в глубь страны и добрались до западного берега Южной Италии. Они вступали в борьбу с местными племенами, отнимали их поля, их самих обращали в своих крепостных и в широких равнинах Южной Италии строили городки и селили там колонистов.

Все новые городки основывал Сибарис за Меловыми горами среди замиренных племен. Он не забывал своей родины Ахеи⁴, чтит и Дельфийского оракула⁵ и, прежде чем строить новый город, посылал спросить совета у оракула о месте для нового поселка, а ахейцы просили прислать жреца и основателя для новой колонии. На старой родине сибаритян жрецы хранили все обряды, которые понадобятся при основании колонии; они одни знали те молитвы, которые нужно прочесть при ее освящении, они одни могли призвать богов, чтобы те поселились на новом месте и взяли город под свою защиту.

С кораблем, на котором приезжал жрец, приезжали нередко с женами, детьми и домашним скarbом и ахейские крестьяне, слышавшие о богатстве нового края и желавшие поселиться на новом месте. Их поражал шум большого города, в который попали они из своей деревенской глуши. Они сравнивали с богатой одеждой сибаритян свои заплатанные хитоны, с их роскошными сандалиями с золотыми и серебряными украшениями свою грубую обувь – одну подметку, привязанную худыми, наживо сшитыми ремнями. Как отстала старая родина от своей заморской колонии!

Через день после приезда жрецов к месту нового города отправлялось торжественное шествие из Сибариса; жрец нес священный огонь, который он привез с собою из Ахеи; он будет вечно гореть на жертвеннике новой колонии. Жертвенник уже был готов. Участвовавшие в шествии, одетые в лучшие платья, с венками на головах подходили к нему и безмолвно размещались вокруг. Кругом горели и дымились факелы. Жрец, умыв руки, золотил рога молодого быка, осыпал его ячменем и, срезав клочок шерсти с его лба, бросал его на огонь. Затем убивали быка, быстро разрубали его тушу, на костре зажигали куски мяса; жрец выливал на них вино. Хор пел священные гимны, флейтисты в длинных белоснежных одеждах играли на флейтах. Жрец поднимал руки к востоку и молился; он призывал в новый город богов и героев, поселиться и жить здесь среди ахейцев. Предсказатель-поэт пророчил городу долгую жизнь, богатство и славу. На следующий день с пением гимнов народ обходил межу будущего города, жрец намечал ее, кладя священные камни: это значило, что до этих камней будет простираться сила и защита городских богов и героев. Город начинал жить.

Так на юге Италии одна за другой зарождались колонии греков; скоро их стало так много, что всю страну стали звать «Великая Греция».

Другой край, куда направились греки, был Понт (Черное море). Неприветливо встречало греков Черное море. Неясно и сумрачно было небо; навстречу дул холодный северный ветер и поднимал нередко опасные бури; и самое море, широкое, без островов, похоже было на морскую пустыню. Никто не смел оставить Босфора и войти в Понт, не принеся жертв Зевсу и не помолившись о попутном ветре. Суровый край лежал перед привыкшими к свету и теплу греками. В широких степях на север от Понта зимою свободно гуляли холодные ветры, широкие реки сковывались льдом, и люди до самого лица закутывались в теплые меха. Воинствен-

⁴ Область в Южной Греции.

⁵ См. статью «У Дельфийского оракула».

ные кавказцы с оружием в руках встречали греков, которые хотели поселиться на их берегу. В Крыму жестокие тавры защищали свою страну от пришельцев. У крутых мысов Тавриды часто разбивались корабли, и страшная участь ждала того, кого выкинет на берег тавров. Из северных степей показывались отряды безбородых длинноволосых людей; они выезжали на бой верхом, вооружившись луком, и так же быстро исчезали в степи, как и появлялись оттуда.

Но суровый край не мог испугать смелых ионийских купцов. По всему Понту, по лесистому берегу Малой Азии, у подошвы Кавказских гор, в устьях больших северных рек, медленно текших из неведомой дали, греки строили свои укрепления; один за другим вырастали торговые поселки и городки. Один город Милет выслал сюда десятки колоний. Страх перед варварами заставил их тесно держаться друг за друга. Но за все опасности их вознаграждал богатый Понт.

На южном берегу Черного моря греки рубили нетронутые строевые леса и сплавляли дубы, вязы и ясени в Грецию для постройки кораблей и барок. У берегов Азовского моря стояли караваны греческих барок; там сушили и грузили несметное множество рыбы и отправляли тоже на юг. У кавказских горцев можно было выменять много серебра и железа. Туда доходили из Азии караваны и привозили драгоценные камни и жемчуг, шелк и слоновую кость Индии. Грекам казалось, что здесь, чуть ли не на краю света, в богатой стране и скрыто было золотое руно, за которым ездили аргонавты. У степных скифов (в нынешней Южной России) греки могли достать золото, которое они привозили из гор, лежавших в какой-то сказочной дали. Греки привозили к скифам вино, нарядные ткани и одежды, и скифы стали пригонять из своих степей в приморские греческие городки бесчисленные стада, привозить хлеб со своих богатых полей и за вино и одежды отдавали и хлеб, и кожи, и воск, и мед, и рабов.

Был еще третий край, куда направились греки. То был могущественный Египет. Там шли междоусобные войны, и фараонам понадобились испытанные греческие отряды. Легенда рассказывает, как изгнанный фараон Псамметих получил от оракула предсказание, что помощь ему подадут медные люди, пришедшие с моря. Вскоре буря занесла в Египет греков, которые блуждали и разбойничали в море. Они высадились на берег в своих медных доспехах. Один египтянин, не выдавший раньше медного вооружения, донес Псамметиху, что с моря явились медные люди и опустошают страну. Псамметих взял греков на службу и с помощью их свергнул одиннадцать царей с престола. За первыми наемниками явились другие. Мимо старинных пирамид и храмов греческие отряды проходили далеко вверх по Нильской долине, добирались до Нильских водопадов, и там на колоннах старинного храма нацарапали свои имена. Каждый год все новая молодежь приезжала из Греции. На восток от дельты Нила фараоны устроили лагеря, где жили тысячи их наемников. Они жили со своими семьями; здесь рождались и вырастали их дети, только по слухам знавшие о родине отцов.

Вслед за наемниками являлись купцы и ремесленники. Начиналась живая торговля в рукавах Нила. В египетских городах среди пестрой смеси сирийских, ливийских, еврейских и финикийских купцов часто можно было встретить и грека, услышать в толпе и греческую речь. Целый ряд переводчиков и проводников был к услугам приезжих греков. Странны были для египтян живые, подвижные греки, всем своим складом не похожие ни на азиатских, ни на африканских купцов, которых знали египтяне. И египтяне, покупая у греков товары, все-таки сторонились от них и считали нечистым каждого грека. Ни египтянин, ни египтянка не поцеловали бы грека в губы, они не взяли бы ножа и вилки у грека, они не стали бы есть мяса, если бы грек разрезал его своим ножом. Против наплыва греков в страну поднимался ропот среди египтян, и царь Амазис закрыл все их торговые поселки, удалил их из всех городов Египта и позволил торговать только в одном месте на одном из рукавов Нильской дельты. Там отвели грекам землю, и они построили свой город Навкратис, «царицу кораблей». Если теперь грек заходил в другое устье Нила, он должен был поклясться, что зашел невольно, отплыть назад на своем корабле и везти свой груз в Навкратис.

Быстро рос и богател город и принимал чисто греческий вид. В середине города, обнесенной кирпичной стеной, возвышались храмы, перед ними были устроены жертвенники. На городской площади в утренние часы стоял шум и толкотня. Мелочные лавочники расставляли свои плетенные из ивы палатки. Нередко перед палаткой стояли в несколько рядов большие амфоры с вином, привезенным из Греции; на него был большой спрос в Египте. На каждой амфоре стоял штемпель того города, откуда было привезено вино. Между палатками поместились лотки с рыбою, плодами, колбасою, вареным горохом, цветами; целые пирамиды хлеба поднимались на прилавках рыночных торговек. За рынком расположились мастерские горшечников, сапожников, куда постоянно заглядывали покупатели и заказчики. Из кузниц доносился глухой стук молотов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.